

Какими на свете бывают измены?
Измены бывают явными, тайными,
Злыми и подлыми, как гиены,
Крупными, мелкими и случайными.

А если тайно никто не встречается,
Не нарушает ни честь, ни обет,
Ничто не случается, не совершается,
Измена может быть или нет?

Мир и покой средь домашних стен.
И все-таки, если сказать откровенно,
Может быть, как раз вот такая измена —
Самая худшая из измен?

Эдуард Асадов. Худшая из измен

Глава I

Утро получилось просто божественным, иначе и не назовешь. Врывалось майской радостью через промытые давеча оконные стекла, и тонкая вуалевая занавеска колыхалась под ветром, который умудрялся проникать сквозь узкую щель створки. Хотелось распахнуть окно пошире, конечно, да Лера боялась: простыть можно, холодный еще ветер-то. Май только начался. Первая череда праздничных дней протекает неспешно и лениво, хотя и многие домашние дела на эти дни запланированы, но так не хочется ничего делать... А хочется просто сидеть за кухонным столом, глядеть в солнечное окно и попивать крепкий кофеек маленькими глоточками. И улыбаться самой себе. И хмуриться слегка, когда слышатся звонкие ребячьи голоса от детской площадки.

Нет, в самом деле, чего ж детишки так громко кричат? Того и гляди, Ксюшку разбудят... Она вчера поздно улеглась. Якобы реферат по истории писала. Верится с трудом, конечно, да уж ладно... Придется поверить. Не любит дочь, когда ее в чем-то подозревают. Как говорится: из двух

зол... Поверить проще, чем вклиниваться родительским спросом в опасный пубертатный эгоцентризм. Как Стас говорит — не переживай, мол, Лера... Все проходит, и это пройдет. Лучше себя вспомни, какой была в свои четырнадцать...

А вот не помнит она, какой была! Не помнит... Но с мамой у нее не было никаких конфликтов, это уж точно. Наоборот, она маму очень жалела. Папа как раз умер, когда ей было четырнадцать, мама одна осталась. Растерянная такая, неприкаянная. Она ведь жила за папиной спиной как за каменной стеной. Папин уход для нее таким горем стал, таким ударом судьбы! Какие с ее дочерней стороны могли быть капризы, какие безудержные всплески по отстаиванию подростковой независимости? Нет, не могла она... Ей тогда казалось, что она за маму в ответе. Все время старалась быть рядом, опекать, брала на себя все бытовые заботы. И сама не заметила, как рано повзрослела, как стала смотреть на жизнь другими глазами, к людям присматриваться, кого подпустить к себе близко, а кого и вовсе не надо...

А вот Стасу она сразу поверила. Только все время разрывалась между мамой и Стасом, на свидания к нему бегала тайком... Господи, да она даже боялась маму с ним познакомить, когда они влюбились друг в друга в свои девятнадцать! Все боялась, что мама ее скороспелую любовь сочтет за предательство. Сказала, когда уже беременной была, когда они со Стасом заявление в загс отнесли. Мама, помнится, за голову схватилась — Лерка, ты что, какой замуж, какой ребенок... Ты

и сама еще ребенок, только-только в институт поступила... И что, бросить учебу придется? Или мне с работы увольняться да с ребенком твоим сидеть?!

Едва она тогда маму успокоила. Сказала, что родители Стаса рады за них, что будут помогать с ребенком, и никакой речи о том, чтобы она бросила институт, вообще не ведется.

Господи, как подумаешь... Будто вчера все это было. Их свадьба со Стасом, рождение Ксюшки... Вся жизнь как один день. Солнечный, майский...

Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! Чего это она вдруг нахваливать свою жизнь принялась? И вообще... Хватит сидеть и бездумно в окно пялиться! Скоро Стас и Ксюшка проснутся, надо завтрак успеть приготовить! Что-то такое вкусненькое... Блинчики с творогом, например.

Поднялась из-за стола, начала проворно суетиться, при этом не производя лишнего шума. И вздрогнула, когда услышала трель мобильного, и поспешила принять звонок, чтобы не верещал так громко!

— Доченька, доброе утро... Я не рано звоню? Вы уже встали?

— Доброе утро, мам! Я встала, да... А Стас и Ксюша спят еще. Я стараюсь их не будить, пусть спят... А чего ты звонишь? Что-то случилось, мам?

— Да ничего не случилось... Просто я по тебе соскучилась, вот и все. Проснулась и подумала — надо хоть доченьке позвонить да увидеть ее... Наверняка ведь скоро умчитесь куда-нибудь, вечно

вас всех дома не застанешь. Не любите вы дома сидеть!

— Да, мам, не любим... Чего дома сидеть? Сегодня как раз на дачу к друзьям собирались...

— Ну вот! Я так и знала! Опять я тебя не увижу, стало быть!

— Да что случилось, мам?

— Говорю же, ничего не случилось! Просто поговорить с тобой хотела, вот и все. Всю ночь не спала, думки свои думала...

— Так говори, я тебя слушаю!

— Нет. Не могу. Не телефонный это разговор, доченька. Хотелось бы с глазу на глаз... В одном доме с тобой живем, только в разных подъездах, а у меня такое чувство, будто на разных концах города! И увидеться просто так не можем... Только по телефону и говорим. А что по телефону-то? Будто мы чужие... У меня ведь кроме тебя нет никого, сама понимаешь.

— Так приходи сейчас, мам! Посидим, поговорим, пока мои дрыхнут... Я тебя блинчиками с творогом накормлю!

— Да? А вдруг я Стасика разбужу?

— Не, не беспокойся. Он еще долго спать будет. Он только под утро пришел с дежурства. У них в отделении опять трудная ночь выдалась, какая-то большая авария на въезде в город была, много пострадавших привезли.

— Да ты что? Бедный, бедный Стасик... Вечно во время его дежурства что-то плохое происходит. Достается ему... Конечно, пусть отсыпается. А Ксюшенька тоже еще спит?

— Ага... И Ксюшка поздно улеглась, ее пушкой не разбудишь. Это я одна в семье такая, жаворонок неугомонный. Приходи, мам...

— А я и приду!

— Так приходи... Жду. И дверь сейчас открою, чтобы тебе не звонить. Давай...

Положила телефон на стол и прыгнула к плите, охнула от досады — сгорел-таки очередной блинчик! И ругнула себя — а как бы он не сгорел, интересно? Надо было все в одно время делать: и с мамой говорить, и за сковородкой следить. Ишь, расслабилась...

Выбросила подгоревшее безобразие в мусорное ведро, поглядела на горку готовых блинчиков. Кажется, уже и так хватит. Надо успеть до маминого прихода упаковать их начинкой и снова поджарить слегка. И поторопиться — маме дойти из соседнего подъезда совсем недолго.

Пока возилась, подгоняя сама себя, успела подумать с грустью — да, нехорошо маме одной, так и не привыкла она к вдовству... Очень уж плохо переносит одиночество, не такой она человек, чтобы уметь с ним дружить. К тому же возраст подступил грустный. Шестьдесят пять — это уже «здравствуй, старость», как говорится, со всеми сопутствующими. С болячками всякими, с плохим настроением, с обязательной утренней неврастенией, когда с трудом приходится входить в новый день, когда не ждешь от этого дня ничего хорошего. И когда очень хочется, чтобы кто-то был рядом и заботился, интересовался, любовь дарил. Родная доченька, например...

Но ведь она, будучи этой самой доченькой, как-то старается, правда? Как может, так и старается. Ой, да что там говорить, господи! Они со Стасом даже квартиру купили в одном доме с мамой! С тем самым расчетом и купили, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Хотя, помнится, не очень-то и хотелось, другие варианты получше были. Дом старый, квартирки в нем так себе. Комнатки маленькие, потолки низкие. Одно и достоинство — двор у дома шикарный, заросший кустами шиповника да можжевельника, тополя шумят романтически, когда летней ночью окно откроешь... А весной как сирень буйствует под окном, а чуть подальше — черемуха! От запахов с ума можно сойти! Это ж тебе не голый двор в новостройке с чахлыми деревцами да детской площадкой, правда? И вообще... Она выросла в этом дворе, здесь ее каждая собака знает. И соседи все — родные люди, можно сказать. С маленькой Ксюшкой кто только не оставался, когда она в институт на занятия бегала! И Каринка в этом доме живет... Любимая единственная подруга, верная и преданная, почти сестра.

Вспомнила про Каринку и улыбнулась, на душе теплее стало. И правда ведь как сестра... Когда у Каринки мать умерла, она у них с мамой долго жила. Можно сказать, из одной тарелки ели, в одну кровать спать ложились. Хорошая она, Каринка... Вот только не везет ей почему-то, никак личную жизнь наладить не может. Не получается встретить того единственного и любимого. Нет в этом удачи, хоть убей. Как сама про себя Каринка говорит —

я образец несчастной невезучей бабы. Одинокая женщина в однокомнатной квартире — что может быть хуже? К тому же возраст уже за тридцатник перевалил... Хотя и выглядит Каринка великолепно, а не складывается личная жизнь, и все тут! Она даже к гадалке ходила, и та с нее бешеные деньги взяла, чтобы какой-то там венец безбрачия снять. И никаких насмешек относительно этого ее «венца» не слушала, говорила сердито — хорошо тебе рассуждать, мол... У тебя Стас есть, у тебя дочь есть, ты счастливая, а мне не везет, хоть убей. Ну что это, мол, если не заклятый венец безбрачия? Да, жалко Каринку, конечно...

Вздыхнула и тут же услышала, как из прихожей прилетел осторожный стук в дверь. И опомнилась — обещала же дверь маме открыть! Бросилась на цыпочках в прихожую, встретила маму виноватой упрещающей улыбкой — извини...

Мама улыбнулась в ответ, быстро махнула рукой — ладно, мол, понимаю. Тихо прошла вслед за ней на кухню, плотно прикрыла за собой дверь.

— Садись, мам, у меня уже все готово... Тебе какой чай сделать, черный или зеленый? Может, кофе сварить?

— Да с ума сошла — кофе! С моим-то давлением! Я уж и вкус кофе забыла... Давно на зеленый чай перешла. Я думала, ты помнишь...

— Я помню, мам. Конечно, помню. Я просто так спросила, не подумав. Сейчас тебе чай заварю...

Какое-то время сидели за столом молча, мама сосредоточенно жевала блинчик с творогом. Потом кивнула, произнесла одобрительно:

— Очень вкусно, молодец... Наконец-то научилась готовить.

— Спасибо, мам... Приятно слышать от тебя похвалу.

— Ой, можно подумать, я и не хвалю тебя никогда! По-моему, только и делаю, что хвалю! Ты хорошая хозяйка, и жена хорошая, и мать... И на кухне у тебя так уютненько, так чистенько... Век бы сидела рядом с тобой да чай пила. Если б можно было...

Мама вздохнула грустно, отвела глаза, снова вздохнула. Лера подумала с испугом — опять не с той ноги встала, наверное... И спросила быстро, отодвигая от себя чашку с кофе:

— Ну и о чем ты хотела со мной поговорить, мам? Скажи, пока мои не проснулись...

— Да, хотела... Но не знаю, стоит ли... Вдруг ты меня поймешь неправильно? Уж больно щекотливая это тема...

— Да не тяни уже, мам! Что случилось? О чем ты хочешь поговорить?

— Не о чем, а о ком... О Карине твоей разлюбившей...

— О Карине? Хм... У тебя такой голос сейчас... Будто ты о каком-то незнакомом человеке говоришь! Будто Карина тебе совсем чужая! Даже слышать странно...

— Да не чужая она мне, не чужая! Ты же знаешь, как я... Как всегда очень хорошо к ней относилась, жалела ее... Советы ей всегда давала. А когда она одна осталась, как я жалела ее, а? Да и сейчас тоже...

— Тогда в чем дело, мам? Не понимаю...

— Господи, да как же тебе объяснить! И сама не знаю... Что бы я сейчас ни сказала, все будет для тебя плохо звучать. Но ты постарайся меня понять, дочка. У тебя ведь семья... У тебя муж...

— И что? — с осторожным вызовом спросила Лера. — Что ты этим хочешь сказать? При чем тут Карина, не понимаю?

— Ну вот, я же говорила... — обреченно вздохнула мама, опуская глаза. — Я знала, что ты меня не захочешь услышать... Даже не попытаешься!

— Ну что я должна услышать, что?

— Да ты не сердись, не своди бровки-то. Я ж не собираюсь ничего плохого про твою Карину сказать. Я ж говорю — очень тепло к ней отношусь. И очень ей сочувствую. Ты же знаешь...

— Знаю! Мне удивительно, почему ты такой странный разговор завела! Вот и сержусь! Ну правда, мам, чего ты вдруг...

— Да не вдруг, Лерочка, не вдруг! Думаешь, мне самой легко все это обсуждать, что ли? Вовсе нет... Да это и не я поговариваю...

— А кто, мам?

— Да я от соседей слышала, и не раз... Вот давеча Светлану Петровну со второго этажа встретила, и она, знаешь, глянула на меня с таким язвительным прищуром и спросила вдруг — не пойму, мол, кто все-таки у Стаса жена: Лера твоя или Каринка из третьего подъезда? Как ни глянешь — они все время втроем шастают... Мне так неприятно все это слушать было, знаешь!

— И что, в этом вся проблема, да? — легко рас- смеялась Лера, глянув на мать. — Ты же знаешь прекрасно эту Светлану Петровну, она ж язвит по каждому поводу и везде любопытный нос любит совать! Ее в дверь гонишь, а она со своими дурац- кими выводами в окно лезет! Своей личной жизни нет, так хоть по чужой пройтись грязным намеком надо! Нашла кого слушать... Я-то и впрямь испуга- лась, думала, ты что-то серьезное мне хочешь ска- зать...

— А это и есть серьезное, доченька. Я без сосед- ки могу тебе повторить — неправильно это.

— Что неправильно, мам?

— Ну, что Каринка все время рядом с вами тол- чется. Нет, я понимаю, вы с детства подруги не разлей вода, понимаю... Но ведь она должна учи- тывать тот факт, что у тебя семья, как думаешь?

— Она все учитывает, мам, не переживай. И она нам вовсе не мешает быть полноценной семьей.

— Ну да, не мешает, конечно... Только ведь суть не в том, мешает она или нет...

— А в чем тогда суть, мам?

— В том, что это у тебя есть семья! У тебя! А у нее нет! Вот в чем все дело! Свою семью обере- гать надо, как ты этого не поймешь, ей-богу!

— Да от кого? От кого оберегать, мам?

— От третьего лишнего... Это она сегодня лиш- няя, а завтра... А завтра уже и не знаешь...

— Мам, прекрати... Ты сама-то себя слы- шишь, что сейчас говоришь? Будто ты Каринку не знаешь! Да она же... Она же как наш второй ребенок со Стасом, как член семьи! Да она же

просто погибнет без нас... Она ж такая наивная, простодушная, такая неорганизованная! Ребенок и есть ребенок...

— Да уж, хорош ребеночек! Тридцать три года девке, и все ребеночек! Да ты хоть видишь, что она гораздо лучше тебя выглядит? Извини, конечно, не в обиду будь сказано... Это не потому, что ты по природе хуже, нет... Просто с такой работой, как у Каринки, немудрено так хорошо выглядеть, сама ж понимаешь...

Лера ничего не ответила, только глянула на мать с обидой. Что и говорить, ее задели такие сравнения. Надо же, Каринка лучше выглядит...

Хотя да, оно все так и есть, конечно. Чего обижаться-то? У Каринки свободного времени много... И работа косметологом в салоне позволяет прекрасно выглядеть. И тренажерный зал на пользу красоте идет... И увлечение модными шмотками со счетов не скинешь. И не надо часами в монитор компьютера пялиться, а потом ужасаться, откуда темные круги под глазами взялись и кожа на лице такая, будто слоем пыли покрытая!

Но ведь она сама себе профессию выбирала, никто не неволил... После школы в юридический поступила, с красным дипломом его окончила. И карьеру в хорошей фирме сделала, до начальника юридического отдела дослужилась. Заботы у нее — с Каринкиными заботами не сравнишь... Потому и приходится красотой поступаться, ничего не поделаешь. Но вот спроси у нее — хотела бы она жить Каринкиной жизнью? Всеми этими салонными процедурами, тренажерными

залами да шопингами? Ведь нет, не хотела бы.... Каждому свое, как говорится. К тому же разница в этом жизнеустройстве отнюдь не мешает им дружить...

— Все-таки обиделась на меня, да? — виновато спросила мама, дотрагиваясь до ее плеча.

— Нет, мам. Не обиделась. Все так, конечно, да, все правильно. Каринка моложе своих лет выглядит, а я, наоборот, старше. Но неужели я так уж совсем ни к черту выгляжу, а?

— Да нет, что ты... Да я и не про это хотела сказать... Просто ты выглядишь как обычная женщина, у которой на саму себя мало времени остается. Которая, вместо того чтобы в салон бежать, к плите встает и мужу с дочерью ужин готовит. А Каринка... Это разные вещи, знаешь... При этом ты ведь более счастлива, чем она, верно? Потому что мужа любишь, и другой жизни тебе не надо. Но и Каринки рядом тоже тебе не надо... Зачем тебе такой фон, сама подумай? Чтобы Стас начал тебя с Кариной сравнивать, и не в твою пользу? И ничего сейчас мне не говори, не надо... Знаю я, что ты можешь сказать! Просто возьми и задумайся над моими словами, прошу тебя. Ничего в них обидного нет, пойми. Это жизнь так устроена, это она свои правила диктует — мол, умей счастье свое сбереечь, не искушай его лишний раз легкомыслием. Как это в твоей юриспруденции называется, уж не помню... Кажется, превентивностью? Понимаешь меня, надеюсь?

— Нет, мам. Не понимаю. Ты чего от меня хочешь-то? Чтобы я Карину от себя прогнала, вот

так, за здорово живешь? Да как ты себе это представляешь? Она ж мне родной человек, она мне как сестра... Да у меня же никаких других подруг просто нет! И не было никогда! Тебе ли не знать, как трудно я схожусь с людьми... Как для меня существующий ближний круг важен... Моя семья, Карина, ты...

— Ну да, ну да. Меня, стало быть, на последнее место поставила, понятно. Карина тебе важнее.

— Вы мне все важны, мам. И все любимы. Да, вот такая я по природе... У меня и раньше других подруг не было. Кроме Карины. И парней других не было... кроме Стаса. Одна дружба, одна любовь на всю жизнь. Ну вот такая я, мам, что тут поделаешь!

— Ну да, ну да... И ребенок у тебя тоже один... Про второго-то не думаете пока? Хоть ребенка второго роди...

— Мы об этом думаем, мам. Но не сейчас пока.

— Так думайте скорее, пока я в силе! Пока помочь смогу... Хоть так помочь, если ты меня не слушаешь. Живешь как слепая... Господи, да неужели ты думаешь, что Каринке твоей семейного счастья не хочется?

— Хочется. Конечно же хочется. Только ей не везет почему-то...

— Да потому и не везет, что она хочет в мужья такого, как твой Стас. Она ж за вашей жизнью практически ежедневно наблюдает... Да только поищи-ка такого второго Стаса, попробуй...

Лера улыбнулась, кивнула, но ничего не ответила. Наверное, в этом мама права... Наверное, Каринка подсознательно себе такого же мужа хочет. Да только не везет ей, совсем не везет... Хотя и знакомится с кем-то все время, один короткий роман сменяет другой. Не получается результата, и все тут! А Каринке очень хочется семейного счастья. Наверняка бы она променяла ухоженность и девичью подтянутость на сермяжные заботы семейные, это факт... И самое обидное, что ничем тут ей не поможешь. Понять и пожалеть можно, а вот помочь...

Дверь на кухню открылась, явив им заспанную Ксюшу в пижаме. И голосок ее радостный и чуть хриловатый заставил их с мамой улыбнуться.

— Ой, бабушка... Ты к нам в гости пришла, да? А мы еще спим...

— Ну, не обобщай, пожалуйста! — проговорила Лера, любуясь румяными со сна щечками Ксюши. — Это вы с папой еще спите, а я уже давно поднялась! Целую кучу блинчиков успела сварганить!

— Мам... Я же на диете, ты что... Ты забыла, что ли? — надула пухлые губы Ксюша. — Зачем ты меня своими блинчиками дразнишь?

— Ой, да какая тебе диета, Ксюшенька, какая диета! — ласково запричитала Елизавета Васильевна. — Ты же у нас такая ладненькая, такая справненькая, как пасхальное яичко! И тебе это все так идет! В этом твоя индивидуальность! А похудеешь — осунешься сразу, всю прелесть свою растеряешь... Не выдумывай давай никакую диету